

«Он просто писал сумму во время беседы»

В Нью-Йорке бизнесмен родом из Петербурга Максим Фрейдзон пытается судиться с компаниями "Газпром" и "Лукойл" и их руководством в рамках закона "О подпавших под влияние рэкетиров и коррумпированных организациях". Фрейдзон утверждает, что эти компании незаконно приобрели его доли в нефтяном бизнесе, существовавшем с 90-х. Фрейдзон оказался свидетелем ранней карьеры Владимира Путина и решил рассказать подробности. Пресс-секретарь президента Песков не ответил на запрос Радио Свобода о комментарии, но сделал публичное заявление об атаке на Путина со стороны западных изданий, интересующихся событиями в Петербурге 90-х.

Гражданин Израиля и России Максим Фрейдзон потребовал от структур "Газпрома" и "Лукойла" в целом 540,9 миллиона долларов в качестве компенсации за долю в подконтрольном им ЗАО "Совэкс" – до 2013 года единственном ТЗК петербургского аэропорта Пулково. Иск был подан в суд Южного округа штата Нью-Йорк 18 июля 2014 года, ответчиками были названы "Лукойл", Lukoil North America, "Газпром", "Газпром нефть" и "Газпромнефть-Аэро". Персонально ответчиками названы председатель совета директоров "Газпрома" Алексей Миллер, генеральный директор "Газпром нефть" Александр Дюков и директор бункеровочной компании "Лукойл-Бункер" Али Беглов. Всем этим людям Фрейдзон приписывает связи с криминальным миром, иск подан в рамках так называемого закона RICO – "О подпавших под влияние рэкетиров и коррумпированных организациях".

Максим Фрейдзон утверждает, что с 1994 года владел 29% акций компании "Сигма", которой принадлежали 66% акций "Совэкса". Его партнером был ныне покойный Дмитрий Скигин, контролировавший 71% акций "Сигмы" и 34% акций "Совэкса".

Фрейдзон, переживший покушение на свою жизнь в начале 2000-х и получающий многочисленные звонки с угрозами, относится к иску в Нью-Йорке философски: вначале суд не смог добиться передачи иска ответчикам, а недавно решил, что события предполагаемого преступления происходили в России, а значит, иск нужно подавать там. Впрочем, отмывание средств при торговле нефтепродуктами все же происходило в Нью-Йорке, доказывает Фрейдзон, поэтому он готовится обжаловать отказ о принятии иска к рассмотрению.

Его рассказ проливает свет на довольно закрытую сторону биографии президента России Владимира Путина: его деятельность в Санкт-Петербурге в 90-е.

В Санкт-Петербурге Максима Фрейдзона помнят как "Макса-оружейника", то есть человека, занимавшегося оружием. Было и другое прозвище: "провайдер-автомат" – Фрейдзон одновременно владел компанией по предоставлению интернет-доступа. Затем он занялся нефтяным бизнесом. Бизнес-партнер Максима Фрейдзона Дмитрий Скигин попал в поле зрения французской полиции в связи с подозрениями в отмывании денег, был выслан из Монако и упоминается в отчете французской полиции (имеется в распоряжении РС) как член "тамбовской" группировки, работавший вместе с Ильей Трабером (по кличке Антиквар).

О подробностях взаимодействия с властями Санкт-Петербурга с одной стороны и преступным миром – с другой Максим Фрейдзон рассказал в интервью Радио Свобода, записанном в Нью-Йорке:

– Я подал судебный иск против компаний "Газпром", "Лукойл", "Газпром-Аэро", "Газпром нефть" по поводу незаконной покупки моей собственности, а именно акционерного пакета в компании ЗАО "Совэкс", созданной в 1995 году. Смысл моего обращения в американский суд: я стал жертвой преступной группы, состоящей из коррумпированных чиновников и бандитов (в рамках так называемого закона RICO – Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act, "О подпавших под влияние рэкетиров и коррумпированных организациях"). В эту группу входили Владимир Кумарин, Алексей Миллер, Сергей Васильев, Александр Дюков, Илья Трабер, Грэхем Смит, Дмитрий Скигин. Я не упомянул в судебных документах Владимира Путина, о котором речь пойдет ниже, чтобы не нагнетать политики и без того сложное дело. В России судить этих людей я не могу по понятным причинам – физически опасно и нет надежды на справедливое решение, хотя я пытался. Поэтому я хочу судиться в Америке и приложу все силы, чтобы убедить суд, что в России сейчас судить команду Путина опасно и нет надежды на справедливое судебное решение. Как я понял, суд сказал, что по срокам давности и по заявлению претензий нет, но вопрос юрисдикции остался открытым, и я буду бороться дальше.

Бизнес в Петербурге я начал в 1993 году с того, что мы попытались организовать компанию по производству полицейского оружия в России. В тот период была программа конверсии и такая же программа существовала в Соединенных Штатах, где выделялись государственные деньги на конверсионные программы. Кроме того, оружие полиции того времени, да и сейчас – это не полицейское оружие. Автомат Калашникова, который применяется в городе, опасен на достаточно большом расстоянии. Полицейское оружие предполагает меньшую дистанцию поражения, поэтому полицией всего мира используются гладкоствольные дробовики.

У нас была идея совместно с Военно-механическим институтом сделать производство охотничьих и полицейских ружей. Вначале на базе производства Военмеха, а затем разместить его на одном из оружейных заводов. В 1994 году было создано СП – совместное предприятие – между оружейной компанией "Рекс" совместно с Военно-механическим институтом и организацией "Росвооружение – Северо-Запад", которая занялась ввозом опытных образцов из США, и американской компанией "Итака". Мы планировали заниматься производством на базе охотничьих гладкоствольных ружей американской фирмы "Итака", которыми, в частности, оснащены полицейские Лос-Анджелеса. Мы продвигали эту идею, у нас были договоренности с американцами, с Военно-механическим институтом. "Росвооружение – Северо-Запад" выступало в качестве участника, поскольку программа была конверсионная, и мы планировали на следующем шаге использовать те льготы, которые давала программа конверсии в России и в США. Была сделана специальная программа создания полицейского оружия, и по этой программе мы несколько раз встречались с Владимиром Владимировичем Путиным, который тогда занимался внешнеэкономической деятельностью. Ну и, само собой, наше СП было зарегистрировано отделом внешнеэкономической деятельности мэрии, которое возглавлял Путин.

Максим Фрейдзон

– Владимир Путин, судя по распоряжениям Собчака, в 1993 году занимался, в числе прочего, "утилизацией боеприпасов с истекшими сроками хранения". Но ваше предприятие к этому отношения не имело?

– Нет. Он в тот момент, в числе прочего, курировал правоохранительные органы, и как раз с его отделом в мэрии мы вместе писали программу по внедрению полицейского оружия в правоохранительные органы. Программа была сначала региональная, потом планировалось сделать ее федеральной, потому что она требовала изменения так называемого ноль-первого приказа о том, какое оружие может состоять на вооружении у полицейских. Это согласовывалось с Владимиром Владимировичем, с руководством ФСБ, с руководством МВД и с московским ведомством, которое этим тоже занималось. На этом фоне мы достаточно продуктивно работали.

– Почему Путину это было интересно?

– Во-первых, это была его прямая деятельность в тот момент. Во-вторых, это было связано с ведомствами, с которыми он в тот момент был тесно связан. Ну и потом, все-таки мы за это заплатили. Денег дали.

– В смысле – взятку?

– В смысле – взятку...

– И как же ее передали?

– Деньги всегда обычно брал помощник Владимира Владимировича Леша Миллер. А Владимир Владимирович в свойственной сотруднику спецслужб манере просто писал сумму во время беседы.

– В фильме Игоря Шадхана "Власть" (1991) Владимир Путин говорит, что взятку ему практически никто и не предлагает: от него ничего не зависит. Это было не так?

– Лично в руки денег я ему не давал. Но Леша Миллер вполне справлялся с этой приятной функцией. Может, конечно, оставлял себе, но почему-то я сомневаюсь.

– Дорого было?

– 10 тысяч долларов. По тем временам – деньги. Сумма зависела, насколько я знаю, от того, какой планируется профит. У нас впереди было еще много шагов. Мы рассчитывали на то, что будем снабжать петербургскую полицию и это будет долговременный заказ, работа производства в Военмехе. То есть это был долгострой.

– Что в итоге получилось?

– В итоге мы получили лицензию на производство экспериментального гладкоствольного оружия. Но нас подвела чеченская война, потому что уже к концу 1995 года появился закон, ужесточающий как частное производство, так и оборот оружия в целом. И так же, как и везде, в Соединенных Штатах в связи с этим было некоторое замораживание всего проекта.

– У вас было прозвище "Макс-оружейник"?

– Ну, я занимался оружием. Наверное, было. Но мы хотели заниматься в основном производством, торговлей мы не занимались. Мы привозили образцы в штучном варианте и делали основной упор на Военмех, у которого, конечно, была лицензия на производство всех видов оружия.

– А идея была ваша? В интервью японцам (1993, журнал *Playgraph*) Путин говорит: "Санкт-Петербург обеспечивает 70% военной промышленности в стране. Это самая сильная отрасль города, но здесь сотрудничество с Западом пока отстают... Мне обязательно хотелось бы добиться успеха в бизнесе и в этой области".

– Ну, конечно, заинтересованность была. Оружие – это такие мужские игрушки. Тем более, поскольку мы занимались не боевым, а охотничьим оружием, это отдельная страсть. У Путина ее, по-моему, нет, во всяком случае, не наблюдалось, а у многих людей это просто страсть. Хорошее охотничье ружье – прекрасный подарок мужчине. Это был мой проект, я был генеральным директором СП. Владимир Владимирович нам помог.

А в дальнейшем у меня появился партнер, точнее, знакомый годов с 80-х, частично по еврейской общине, в которую я входил, Дима Скигин. Он в тот период занимался лесным бизнесом. Жил в соседнем доме номер 29, а я жил в доме 25 по Кировскому проспекту. Мы часто встречались, будучи соседями, много беседовали, партнерствовали по небольшим проектам, а потом возникла идея создать совместный бизнес на фоне и моего общения с мэрией, которое у меня было по моим делам, и у Димы – по лесным и экспортным делам (он занимался экспортом леса из Карелии).

Тогда был большой проект, связанный с реконструкцией ленинградского аэропорта. До сих пор этот проект идет...

– Алексей Миллер участвовал в продвижении этого проекта?

– Да, конечно. Ну, Миллер отмечался везде как полномочный представитель. Был большой проект, Собчак его активно лоббировал, участвовал ЕБРР, и один мой американский знакомый занимался тем, что всячески это прорабатывал. Он рассказал об этом нам с Димой, мы решили, что проект очень большой и что вкладывать в него энергию, деньги и связи не стоит, а вот то, что связано с заправкой самолетов, может быть нам интересно – было видно, что в нем есть деньги.

Идея была очень простой: создать бензоколонку, только экспортную. В тот момент, когда вы вставили краны в бак самолета, у вас начался экспорт: никаких пароходов, никаких труб, к вам пришли сами. В аэропорту еще с 1970-х была труба от Киришского нефтеперерабатывающего завода. Железная дорога была рядышком – в общем, можно было легко организовать доставку к Киришей, и мы решили этим заняться. Зарегистрировали совместное предприятие, опять же, в Комитете по внешним связям Владимира Путина, в 1995 году. У нас была совместная компания "Сигма" (у меня было 29%), зарегистрированная в 1994 году для совместных проектов, а в 1995-м при помощи этой компании и лихтенштейнской компании Horizon International Trading, которой руководил американец Грэхэм Смит, мы сделали новое СП – компанию "Совэкс".

Название "Совэкс" было тем же самым, что и у лесной компании Дмитрия Скигина. Это было удобно, потому что его знали как человека, уже занимавшегося экспортно-импортными операциями. Мы просто сдублировали название. Был "Совэкс" деревянный, а сделали новый "Совэкс", занимавшийся аэропортом. "Совэкс" деревянный даже не знаю кому принадлежал – может, и Дима лично его организовывал, а "Совэкс" аэропортовский – это Horizon International Trading – 34%, и наша с Димой компания "Сигма" – 66%. Вполне понятное разделение.

Далее начался процесс вхождения в аэропорт, происходила приватизация. И в процессе приватизации трудовой коллектив водителей бензовозов, которые возят большие цистерны до самолетов, выделился в отдельное транспортное предприятие. Мы туда вошли в качестве инвестора и далее пошагово пришли, не без помощи Владимира Владимировича, к аренде емкостей, к получению собственной лицензии на заправку самолетов.

При регистрации компании переговоры вел Дима, потому что у меня было параллельное направление, и мы решили, что Дима этим будет заниматься больше, потому что у меня был еще проект вооружений. Дима тогда, в 1995-м, вел "Совэкс". Дима утверждал, что долго торговались с Владимиром Владимировичем. Я ему верю. С него просили сначала 15% от доходов. Это была общая такса, от 10 до 15%, если дело могло быстро принести доход. Дима мотивировал необходимость скидки тем, что прибыли ждать долго, что еще нужно сделать много вложений, и в итоге сговорились на 4%, которые будут принадлежать Владимиру Владимировичу. Сколько он в итоге заплатил, какую наличность, я честно говоря, не знаю.

– Как юридически оформлялись эти 4%?

– Да никак. Но это некоторые обязательства.

– Но не наличными же платили?

– Определялась доля, дальше уже можно было обсуждать, в каком виде.

– Понятно. Сегодня есть свидетельства того, что Николай Шамалов, Геннадий Тимченко держали акции "не для себя", об этом рассказал бизнесмен Сергей Колесников. Как в этом случае решалось?

– Тогда это было чисто вербальное обязательство (хотя, в 2012 году появилась и документальная зацепка по поводу 4%, о ней я скажу позже), но поскольку от Владимира Владимировича зависело очень многое, в частности, он нам подписал в какой-то момент долгосрочный договор аренды на нефтеналивные мощности в аэропорту, это было очень серьезно. Мы от него зависели все время. Плюс в вопросе получения различных лицензий – без этого никак. Там строилась некая структура.

Насколько я понимаю, Тимченко нужен был сбыт для его организации "Кинэкс", и была проблема, вечная проблема в России – проблема инфраструктуры. Порт забит, железные дороги забиты, а для того чтобы что-то экспортировать, нужно вывозить. В Петербурге удобно, что от Киришского завода идет нефтепровод, труба выходила в порту, в аэропорту, на Шушарах и на Ручьях.

"Совэкс" – первая компания, которая занялась экспортом нефтепродуктов. Там было некоторое условие, которое всеми участниками бизнеса выполнялось вплоть до последнего времени, пока не вошел "Лукойл", что все нефтепродукты берутся только от Киришей. Ни от кого больше – категорически нельзя. Зато от Киришей Тимченко представляет хорошую ценовую политику, отсрочку платежа, то есть это были "Винни-Пух и все-все-все". Это очень удобно, потому что западные компании перечисляли оплату зачастую не сразу, а в одной из схем, которые были по "Совэксу", деньги вообще шли в Лихтенштейн. Horizon International Trading как совладелец, агент и представитель получал плату, а потом как бы расплачивался с "Совэксом", который в Петербурге, как с поставщиком.

Следующая компания, которая была на той же точке выхода трубы, – это Петербургский нефтеналивной терминал, который Дима Скигин создал вместе с Ильей Трабером, а также Сережей Васильевым, потому что Дима ушел под крышу Васильева где-то году в 1995-м. До этого у него были большие проблемы в лесном бизнесе. Из-за весенней распутицы (не по его вине – он был хорошим бизнесменом) Дима не смог вывести лес, когда все размокло под Архангельском. У него стояли корабли, были большие простои, а поскольку он работал на кредитные деньги под проценты в Банке "Санкт-Петербург", то возникли очень большие проблемы: пени за простой кораблей плюс невозврат кредита. И он обратился, насколько я понимаю, как раз через Илью Трабера к Васильеву, и ему помогли решить эту проблему – закрыть кредит в Санкт-Петербурге, но он уже ушел под крышу, потому что дальше, ну, выхода не было.

В порту появился терминал, тоже экспортный. Там была бункеровочная компания для заправки кораблей, Дима ее сделал в 1995 году, и параллельно появилась ПТК – это на выходе трубы в Ручьях. ПТК получила все от того же Владимира Владимировича договор аренды, заправку всех автомобилей городского хозяйства, включая милицию, плюс аренду бензоколонки.

– ПТК – это Кумарин (бывший вице-президент компании)?

– Конечно, Кумарин. Таким образом под контролем оказались все три конца трубы, кроме шушарского... Но на Шушарах было сложно, потому что очень много потребляет железная дорога и туда с трудом пускают. Октябрьская железная дорога – это банда сама по себе. И там не было экспорта.

– В Санкт-Петербурге я слышала и такую версию от свидетелей происходящего в 90-е: "Тимченко работал под крышей Васильева".

– Команда работала вся вместе: Васильев, Кумарин, Трабер, Скигин, Тимченко. Было распределение ролей, задача была понятная. По существу – взять все снабжение по Северо-западу, в большей степени экспорт и внутреннее городское, обеспечив тем самым сбыт и для Тимченко. У Тимченко был и локальный сбыт – весь Питер обслуживался на Ручьях, кумаринские ребята забирали, и там бывали скандалы – я так краем уха слышал, когда они пытались купить подешевле нефтепродукты у кого-то со стороны, им говорили "ни-ни-ни". Геннадьич, как его уважительно называли, скандалил.

– Кто?

– Ну, Тимченко. В глаза его уважительно называли Геннадьич, а в быту "гангрена" кличка была.

– Кстати, откуда?

– Ну потому что он привязчив, как гангрена, если появился, все сожрет. Чем гангрена отличается? Никак, невозможно вывести.

Соответственно, это был коллектив, и кто кому подчинялся, это зависело от локальной ситуации, я думаю. Потому что, если вы помните, ситуация достаточно раскачивалась, Собчак снимали, и в какой-то момент главными были бандиты, в какой-то момент – Тимченко. Ну, то есть все зависело от конкретного расклада, кто где решал. Был некоторый паритет, и я думаю, что... ну, Владимир Владимирович играл свою роль. Не то что он был великий и ужасный руководитель, он был частью этой структуры.

– Рука руку моет?

– Конечно! Ну, это банда.

– Вы сказали, что Скигин долго торговался, когда речь шла о доле Владимира Владимировича в бизнесе. Он был жадным?

– Дима деньги любил. Давать долю... Понимаете, отношение к чиновникам в тот период было не очень уважительным. Если это кто-то из правоохранительных органов – значит, в бандиты он пойти не смог, чего-то не хватило, в бизнес не пошел – ну куда еще? Чиновником в мэрию. На что живет? Взятки берет. Уважения это не вызывало. "Да, конечно, возьми и не мешай". Так что, на тот момент, во всяком случае, Дима торговался, Дима ругался, что просили много. Я верю, что просили 15%, что обычно на таких быстрых операциях, когда деньги могут сразу появиться, но Дима доказывал, что нужно было сделать еще много шагов и много капиталовложений. Как в дальнейшем, когда где-то к 1996 году структура взаимоотношений уже выстроилась, когда пошел реальный поток денег, как это делилось, я не знаю. Потому что к тому времени я уже сделал немножко шаг в сторону от этого бизнеса.

– Как это произошло? Расскажите, как вас выдавливали из бизнеса, в результате чего вы и обратились в суд?

– В 1996 году, когда "Совэкс" заработал и все стало более или менее крутиться, я увлекся хайтеком. У нас был израильско-российский проект интернет-телефонии. Делали мы его совместно с Демьяном Кудрявцевым, он одно время был генеральным директором в "Коммерсанте". Была идея, переключавшаяся из Израиля в Петербург, был открыт провайдер Sopenet, интернет-сервис. Со Скигиным мы это тоже обсуждали, и он значится у нас в патенте, который мы сделали в Санкт-Петербурге. Диме было все-таки очень интересно иметь бизнес не в России, не связанный со всеми этими ужасами и кошмарами, а если вы помните, 1995-96 год – это бум хайтека в США, когда появились стартапы, венчурная биржа началась. Я двинулся в эту сторону, в этом же проекте партнером у меня был и американец Грэхэм Смит. Оба они говорили "Макс, с нефтью мы уже разберемся, а с оружием у тебя вроде бы как сейчас заморозилось (там действительно были приостановлены действия), вот новое дело, не связанное с Россией и со всей этой лабудой, потому что неизвестно, чем все это кончится вообще, кого убьют, а кого посадят". И начался этот проект интернет-провайдера. "Совэксом" я не занимался – Дима сказал, что доля мне по-прежнему принадлежит, Грэхэм сказал то же самое, "вы с Димой раскрутили, вложили деньги, а мы теперь справимся".

И где-то в 1997-98 Дима пришел и сказал: "Сережа Васильев крепко наехал, сказал отдать документы Траберу". Я сказал: "Дима, я подписывать ничего не буду", потому что все-таки работа с правоохранительными органами очень сильно дистанцировала меня от всего бандитского мира, я оказался на другой стороне поляны. Руоповцы у меня в свое время брали какие-то образцы оружия, Антитеррор-ФСБ тоже хотели поиграться, и у меня были с ними контакты. Плюс к этому, я все-таки израильтянин, рассчитывал на некую безопасность, всем было более или менее понятно, почему и чем я занят. Я сказал, что я против того, чтобы что-то отдавать Сереже Васильеву и Траберу. А Скигину сказал: "как меня могут грохнуть, так и тебя могут грохнуть – дело такое". И по существу, когда они забрали документы, они получили контроль над доходом от экспорта нефтепродуктов.

– Вы не хотели отдавать документы, но их насильно забрали?

– Да, просто пришел Трабер и забрал у Игоря Зимина, директора тогдашнего "Совэкса". Зимин, естественно, сказал: "Есть" – и отдал документы и печать. Я все выяснил в 2012 году, когда я все-таки получил доступ к документам. Акционеров очень долго не меняли, потому что на тот момент было важным контролировать поток денег, а акции много чего не значили. Вопрос моей доли мы с Димой поднимали многократно, он говорил: "Ну вот сейчас ситуация чуть-чуть изменится, кто-то из них уйдет в Москву, и благополучно наша прибыль будет поступать обратно к нам".

– И кто же собрался в Москву?

– Ну были планы московские – как раз 1998 год, Владимир Владимирович тогда на недвижимости сидел (ну, то есть, управлял внешней российской собственностью), Миллер сидел на трубе. То есть, сначала не на трубе... Но это отдельная часть Марлезонского балета, давайте вернемся к ней позже... Так вот, Дима говорил "не волнуйся, все вернем, акционерных изменений нет", а контроль, еще чуть-чуть и мы восстановим.

Я занимался своими проектами и Диме как партнеру в этих проектах доверял. Потом Дима умер от рака, в 2003 году. До этого у нас был еще один хайтек-проект, связанный с метрополитеном. У меня была идея ввести собственный проездной билет в метрополитене – магнитную карту, который в дальнейшем развивать до городской карты, связанной не только с метрополитеном, но и с проездом на обычном транспорте. А вход с этой картой мы планировали сделать как лотерею

по карточкам метро. Назывался проект "Метро-Плюс" – когда вы покупаете разовую карточку чуть дороже, вставляете в турникет, если она вам возвращается, значит, вы выиграли, если она падает, значит, вы не выиграли. Если вам карточка вернулась, вы тут же в любой кассе метрополитена получаете выигрыш. Организация "Метро-Плюс" была создана между компанией "Сигма", которая является учредителем "Совэкса", и КУГИ города, которому принадлежит "Метрополитен" (распоряжение №1067-р об учреждении ООО "Метро-Плюс" совместно с ЗАО "Сигма" действительно было подписано 7 октября 1999 года губернатором Владимиром Яковлевым. – РС).

Деньги от лотереи планировалось пускать на ремонт размыва – в Петербурге был разрыв между станциями "Лесная" и "Площадь мужества". Была вполне благотворительная затея, ну а мы хотели в дальнейшем сделать свой проездной документ и развивать его дальше как магнитный носитель. Этим проектом я занимался до 2001 года, и эта лотерея благополучно заработала. По лотерее мы работали с тогда еще юристом Дмитрием Козаком, который ныне вице-премьер. Он работал в мэрии, а когда Собчака подвинули, у них была одно время фирма "Нева-Юст", где начальником был Козак, приятнейший господин, по-моему, наиболее разумный из всей этой банды, поэтому его и отставили – ну, то есть на Кавказ сослали.

А потом у Димы начались неприятности в Монако, связанные с "Сотрамой" и "Горизонтом". Его выслали из Монако в 2000-2001 году.

Он приболел, а мне уже все это очень сильно не нравилось по большому счету. Дима предлагал двигаться в Москву, потому что в тот момент Владимир Владимирович стал большим человеком, Саша Дюков – ближайший помощник Димы Скигина еще со времен деревянного "Совэкса" – стал президентом "Сибур", а Леша Миллер пошел на "Газпром". Ну, те же лица, те же люди. Дима уговаривал перестать заниматься игрушками, надеть костюм и ехать в Москву. Мне это не понравилось, потому что там уже сильно пахло кагэбэшными портянками. Там они уже все строились по росту, кто кому сапоги чистит, и никакой свободы жизни и самовыражения там бы не было. То есть надо было начинать плотно работать на КГБ, а такие возможности были у нас еще в советские времена.

– Что вы имеете в виду?

– Тогда мы занимались подпольной еврейской деятельностью, и тоже предлагали хорошие условия сотрудничества.

– Как именно предлагали работать?

– Начиналось строительство "вертикали", и вся система взаимоотношений была такая...

– В соответствии с чином?

– Ну да, субординация, все без дураков.

– Резюмируя высказывания одного японского гангстера, работавшего в Питере в 90-е: сначала бизнес крышевали бандиты, это было еще ничего, а потом пришли люди из спецслужб, и жизнь совсем не стало. Так и было?

– Насколько я помню, симбиоз бандитов и ГБ был всегда. Потому что они прекрасно дополняют друг друга, и Владимир Владимирович тому пример. Потому что бандиты были более отчаянными, это некоторая боевая пехота. А гэбэшники не в силу того, что умные, а в силу того, что их долго учили, лучше умеют работать с информацией. Это очень естественный симбиоз: моральных ограничений ни у тех, ни у других не было никаких. И КГБ – это банда. Они естественно потом легализовались.

– Петербургские газеты со ссылки на итальянский парламент писали о встрече представителей КГБ, тамбовской и итальянской мафии в Варшаве и Праге в 1992. Вы о таком слышали?

– Нет, я такого не слышал. Но вполне понимаю органичную связь людей одного стиля деятельности – они прекрасно помогали друг другу. У тех же кагэбэшников бандиты всегда покупали информацию. И покупали, и были совместные проекты, насколько я знаю.

– Но они же должны следить за госбезопасностью.

– Ну да, ловить шпионов. Только никакого шпионажа нет, все местные. Бандиты, грабеж – какой шпионаж, все чисто.

Возвращаясь к моей истории. Стали мы расставаться со Скигиным по разным причинам. К концу 90-х годов в прессе всплыла история с Bank of New York. Дима в 1992 году как раз здесь познакомился с Наташей Гурфинкель, которая (я просто при этом присутствовал) жила здесь в Ньюпорте, Нью-Джерси. Когда Дима приезжал в Нью-Йорк, они познакомились. Они здесь занимались, как я потом понял, переброской денег. Ну, это известное дело Bank of New York. Дима этим занимался и Саша Дюков – постоянный димин помощник до последних дней. Был такой Волков, компания Torfinex, деньги здесь переводились на счета Venex и Vex. Не только Дима переводил так деньги, но это был способ перевести и отмыть их через Америку.

А Грэхем Смит обеспечивал, как я позже понял, распределение этих денег через лихтенштейнские компании. То есть, деньги шли через Bank of New York, а потом направлялись туда. Просто я помню, что Дима помогал Наташе Гурфинкель открывать компании в Лихтенштейне через Смита.

Александра Дюкова (это один из людей, против которого я подаю иск) стоит упомянуть отдельно, потому что он был диминим помощником с конца 1990-х годов. Он работал еще в 1991 году в деревянном "Совэксе". Потом работал в аэропортовском "Совэксе", а потом Дмитрий Скигин его посадил на Петербургский нефтеналивной терминал (ПНТ), куда позже, после того как Собчак проиграл выборы, ушел и Миллер.

Владимир Путин и Алексей Миллер

Сначала к Саше на терминал (потому что одна компания, одна команда). А потом, когда захватили порт, была такая организация "ОБИП" – было очень много крови. Саша Дюков стал исполнительным директором ОБИПа, а Леша Миллер стал начальником по инвестициям. То есть, оба вместе перекочевали. Потом Саша вернулся на терминал, а потом ушел начальником "Сибура", когда Владимир Владимирович к власти пришел. А Леша, когда в ОБИПе начались продажи-перепродажи, ушел сначала в компанию, которая строила для Тимченко трубу в порт в Приморске, а потом уже сразу скакнул на "Газпром", вперед и вверх.

То есть компании тесно связаны, и люди "те же и они же".

Под "пролитой кровью" имеется в виду убийство вице-губернатора Михаила Маневича. Вот как Максим Фрейдзон описывает обстоятельства приватизации петербургского порта в иске в нью-йоркский суд:

"После того как мэр Собчак потерпел поражение на перевыборах в июне 1996 года, Путин переехал в Москву, и Алексей Миллер присоединился к организации Васильева. В 1996 году Миллер помогал Дюкову в ПНТ, он также помогал Траберу в формировании ОБИП в 1997 году и в его стремлении скупить акции сотрудников приватизированного ОАО "Морской порт Санкт-Петербург".

18 августа 1997 года вице-губернатор Михаил Маневич, который пытался сохранить 29% этих акций под контролем города, был убит. 18 ноября 1997 года внеочередное собрание акционеров ОАО "Морской порт Санкт-Петербург" передал управление порта организации ОБИП. Миллер тогда отчитывался перед Ильей Трабером, как директор по Развитию и инвестициям в ОБИП (управляющий порта Санкт-Петербурга). Трабер был одним из "неприкасаемых" или "слишком близким к бандитам и Владимира Путину в 1990-х". С 1999 по 2000 год Миллер работал генеральным директором Балтийской трубопроводной системы и в 2000 году он стал заместителем министра энергетики".

– Возвращаясь к моей истории. Мы стали немного дистанцироваться со Скигиным. Я сильно ругался. Мне, как человеку, имеющему не только российское гражданство, скандалы с отмыванием денег у моих партнеров, тем более в США, были не нужны. Тем более что я занимался хайтеком. Мы на эту тему несколько раз разговаривали. Дима уговаривал переезжать в Москву. Я съездил, посмотрел, как это выглядело – это не жизнь.

– А в Москве кто-то ждал?

– Ну да, было несколько встреч. Но это, по существу, означало, что под бандитами ходить, что под кагэбэшниками, при всех их широких улыбках, главное – погоны, "здравия желаю". Я сказал, что это не ко мне, я не могу. С детства ненавижу КГБ, еще с подпольных еврейских времен.

– А что вы конкретно делали? Тору распространяли?

– Я мятежный еврей с 1980 года. Преподавал подпольно, потом обрезал, тоже подпольно. Много. Учился, преподавал иврит, преподавал Тору. Тогда это очень сильно разгонялось, особенно при Андропове. 1984 год – это было очень жестко. "Сионизм", борьба с ним. Обыски бывали, на всяких собраниях арестовывали. Много было красивого и приятного. Мой товарищ Хаим Бурштейн был представителем еврейской консульской группы за права человека в Петербурге, в 1984 он сидел в тюрьме КГБ. Ему попытались пришить 70-ю статью – антисоветская агитация и пропаганда. Нас всех на эту тему дергали.

– И это были те же люди? Известным следователем по политическим делам в Петербурге был Черкесов, например.

– Да, Черкесов уже был тогда. Но нами занимался майор Маслянников, редкая сволочь, еврейский агент. Поэтому отвращение к этим людям у меня было глубокое и с детства. Работать с ними я бы просто не смог.

– И как же было понятно в Москве, что всем управляют люди из КГБ/ФСБ? Они прямо на встречи приходили?

– Нет, но в целом вопросы решались примерно так. Я думаю, что Владимира Владимировича двигало ленинградское управление КГБ, потому что московское все-таки сильно подразвалили при Ельцине, а ленинградское нет. Я контактировал с эфэсбэшниками в начале 90-х, с антитеррористами, когда занимался оружием. Там были вполне здоровые ребята, которые не занимались политическим сыском, были другие задачи. Какие-то контакты остались, и, благодаря этим контактам, мне было понятно, что, скорее всего, Владимира Владимировича двигает ленинградское управление. А в Москве была уже понятна вся стилистика – сознательно шли к власти.

Ну так вот, в Москву я не поехал, хотя предлагали. Дима болел, со мной больше общался Грэхем Смит. Смит в открытую угрожал, что если я буду пытаться выдергивать свои доли из бизнеса и поднимать скандал, то меня просто грохнут. В 2002 году меня ушли из организации "Метро плюс" с лотереей.

– А как ушли?

– Методом визита "охраны офисных помещений". И что дальше делать? "Ждите годового собрания акционеров". То же самое, что и с "Совэксом". Если вы акционер компании, то по закону вы можете требовать отчет у генерального директора, а он вас может посылать под тем или иным предлогом. Жаловаться особо некуда. Можно попытаться пойти в суд. А собрание акционеров, о котором теоретически должны сообщить – раз в год. Теоретически на нем распределяются дивиденды, но в тогдашних компаниях не было распределения дивидендов – люди просто делили деньги. Уставной капитал компании – 10 тысяч рублей, а "серая" прибыль у компании – ого-го. Ее невыгодно было ставить на баланс, потому что налоги большие.

Я судился с компанией "Метро плюс" и закрыл эту лотерею. Это было в 2002 году, суд по моему патенту. А с "Совэксом" ситуация была зависшей. Потому что я у народа спрашивал, что в документах, и пробивал несколько раз, и, как мне говорили, моя доля в "Сигме" была на месте, и доля Сигмы в "Совэксе" была на месте. Надо было просто физически прорываться на собрание акционеров и подавать в суд. Дима говорил: "Не волнуйся, вопрос так или иначе решим". А потом Дима умер, а я собрался в суд. Но тут случилась неприятность: мне позвонили, сказали, что было общее собрание акционеров, и за меня подписывали документы, что, скорее всего, было правдой. По общей практике, такого много и до сих пор, когда какая-то часть акций компании завешивается на бомжа или на кого-то, кто точно не придет, за которого подписывают, и все нормально. Потому что если начинать акции делить, то сразу возникает много вопросов у других совладельцев.

А так – отложили и лежит, подписи за него ставят. Это обычная практика, на самом деле, такой "нераспределенный пакет".

Мне предложили купить документы, с которыми уже точно можно идти в милицию и в суд. Я пришел на встречу, подождал в кафе "Виктория" напротив моего дома. Это кафе со стойкой, а дальше ресторанчик и отдельные кабинеты в ресторане. Я ждал парня, который мне звонил. Подошел другой паренек, сказал, что этот не придет, если нужны документы, пойдем, посмотришь. Я зашел в отдельный кабинет в ресторане, получил удар по голове, дырку в ней сделали, ударив сзади.

– Когда это было?

– Декабрь 2003 года, после смерти Димы Скигина. Пробили голову, сильно пинали ногами, порвали поджелудочную железу, порвали кишечник. Неприятно очень было. По дороге несколько раз сказали: "Сигма, Совэкс – ты забудь, добрый человек" – в процессе, так сказать, избияния. Ну, я оказался в больнице, разрежали, сделали лапаротомию, могу показать шрам от сих до сих. Четыре часа оперировали и все-таки спасли, хотя было не ясно на эту тему. Когда я выздоровел, свалил в Израиль. Я пытался все-таки выяснить, что с компанией, потому что глупая ситуация получается: с одной стороны, вроде бы у тебя есть акции, а с другой стороны они бесполезны.

И я писал письма в прокуратуру, приезжал и шел в полицию, мне говорили: ты сумасшедший – такие заявления и куда пришел писать.

– В какую именно прокуратуру?

– Ходил я к прокурору Фрунзенского района Санкт-Петербурга. Хороший мужик, говорит, давай я попробую позвонить и скажу, что и как – все-таки, закон. Я к нему пришел после этого, а он говорит: "Извини, меня просто послали". Сказали, мол, не твоего уровня дело, куда ты лезешь, отвали. И так я мыкался до 2012 года. Ну, кровь пролита, хотелось справедливости.

– Как в итоге удалось подать в суд в Нью-Йорке? Почему такая юрисдикция?

– Юрисдикция в Нью-Йорке связана с тем, что компания "Совэкс" занималась отмыванием денег через Нью-Йорк. То есть мои деньги, которые зарабатывал "Совэкс", отмывались в Нью-Йорке, а потом в Лихтенштейне.

Как я выяснил в 2012 году с помощью собственных расследований, в 2007 "Совэкс" купили Лукойл и Газпром, а конкретно "Газпром-Нефть" под руководством Александра Дюкова. Лишние там не ходят. Купили его, насколько я понимаю, у братьев.

– У какой братвы?

– У Сережи Васильева. Тогда несколько было покупок, тогда же купили и нефтяной терминал – часть Саша Дюков выкупил и переоформил. Тогда было покушение на Сергея Васильева. Где-то в 2007 году, насколько я понимаю, Дюков выкупил достаточно большие доли предприятий, в которых работал и которыми частично руководил. В 2007 году "Лукойл" через свою стопроцентную дочку выкупил "Совэкс", а параллельно был заключен договор между "Газпром нефтью" и "Лукойлом" о том, что эта компания будет разделена пополам, 50 на 50. Я об этом знаю, потому что в дальнейшем был суд, когда "Лукойл" купил эту компанию, Антимонопольный комитет подал в суд, что это монополизация. Я думаю, Антимонопольный комитет обратился в суд с подачи Тимченко на самом деле, потому что "Лукойл" стал завозить нефтепродукты не с Киришей, но утверждать не могу. И в результате ответчик предъявил договор, по которому "Совэкс" был поделен на пополам между "Газпром нефтью" (а точнее, между ее дочерней организацией "Газпромнефть-Аэро") и "Лукойлом-Аэро", который тогда только создавался.

Я не знаю, как вообще переоформлялся "Совэкс", возможно, это было сделано через разделение компании, которое тоже требует подписи акционеров, то есть, в любом случае, незаконно, но по документам, которые я получил в 2012 году, до покупки "Газпромом" и "Лукойлом" "Совэкс" принадлежал двум людям – Уланову и Корилову. Виктор Корилов – это достаточно известный добрый друг Владимира Владимировича. А Уланов – это траберовский человек. Но они там все из одной бочки, это одно и то же на самом деле. Но, возвращаясь к нелегальным процентам и к вопросу о том, что бывают договоренности на уровне рукопожатий, забавно, что им принадлежали на двоих тот момент 4% компании. Остальное это были пустые, нераспределенные акции.

– Вы настаиваете на этих 4% Путина в иске в нью-йоркский суд?

– В иске в суд я не упоминал Владимира Владимировича. Как сказал мне адвокат, у Владимира Владимировича пока еще имеется иммунитет. Он президент, ему в тюрьму пока нельзя. А когда

будет можно, я думаю, что до меня будет большая очередь, я уже не успею. Поэтому Владимира Владимировича я не упоминал, это может дурно повлиять на общий исход дела. А с точки зрения моего суда, человек я не очень богатый, адвокатскую контору возможности нанять нет, и я являюсь заявителем pro se – личный заявитель, без адвоката.

– Каковы перспективы суда в Нью-Йорке?

– Возникла проблема с доставкой документов ответчику, потому что Lukoil North America в Нью-Йорке – 100% дочка российского "Лукойла" – тщательно пытаются отстраниться от этого дело. В нынешней ситуации на них теоретически распространяются еще и санкции, наложенные американским правительством. Не будем забывать, что американские граждане сдают деньги Владимиру Владимировичу в штате Нью-Йорк и городе Нью-Йорк через бензоколонки "Лукойла".

И они говорят: "Мы не имеем отношения к "Лукойлу-Россия", хотя это 100% дочка. Но до них дошли мои судебные повестки. Поскольку при международных делах все это движется по Гаагской конвенции через министерство юстиции, Россия заявила, что не особо соблюдает Гаагскую конвенцию. Российское министерство юстиции передало иск в Министерство иностранных дел, и на этом все зависло. Я запросил у суда альтернативный сервис – все-таки доставить повестки "Газпрому-Аэро", "Лукойлу" и сделал добавление в исковое заявление, которое еще не принято, с конкретными личностями людей, которых я тоже считаю виновными: Миллера и Дюкова, которые имели непосредственное знание о моих долях в "Совэксе", но, тем не менее, от имени компании пренебрегли этим.

– Отжали по беспределу?

– Да, отжали по беспределу. И я же не один такой. Таких историй очень много вам в Петербурге расскажут – хорошо, что не убили.

– Какова ваша мотивация? У вас политическое дело получается. Вы уже ощущаете себя политиком?

– Политиком нет. Но должна быть гражданская позиция. Я знаю очень многих людей, которые потеряли бизнес и не захотели ни с кем связываться. Я подавал в суд в России в 2012 году, у меня было два суда. Я возобновил уголовное дело по поводу покушения, но в России, естественно, ничего не добился, более того, следователь (об этом я написал заявление в прокуратуру) беседуя со мной, положил на стол пистолет и сказал, что имена Скигина и Смита не могут быть упомянуты, что это большие люди, а Дюков – это вообще спонсор футбольной команды. Ну, когда все началось такое грубое давление, мне опять пришлось свалить.

Просто, я считаю, что здоровая гражданская позиция – отстаивать свои права, в независимости от того, на каком уровне в той или иной ситуации оказались преступники. Потому что это кооператив кагэбэшников и бандитов, их вечный союз.

– Кстати, о кооперативах. Вы не были случайно в кооперативе "Озеро"?

– Нет, в " Озере " я не был. Ну, я там бывал, но не встречался с теми, кого вы имеете в виду. Но тогда формировалось то, что называется "современная элита" и предлагали так или иначе к этому прикоснуться, но очень не хотелось. Если в 1990-м, когда все начиналось, было ощущение свободы, то здесь была суровая портяночная жизнь, змеюшник.

Так что в политику я конечно не хочу (я все-таки израильтянин, хотя у меня есть и российское гражданство). Но отстаивать свои права, в независимости от того, страшно или нет – единственный разумный способ что-то сдвинуть с места.

– Вы в безопасности в Нью-Йорке или Израиле?

– Скажем так, в течение отчетного периода, естественно, мне угрожали в Израиле, звонили какие-то люди и предлагали все бросить. И здесь тоже звонили.

– И что говорят?

– Ну, говорят "с ума сошел", "жить не хочешь", "на кого рыльце подымаешь" – как обычно. В общей сложности я получил около 50 звонков.

Кроме гражданской позиции, или скорее, одно из ее проявлений, это другая цель. Удастся кого-то наказать или нет – это другой вопрос, но можно показать пальцем, что это бандит, а это вор, а это жулик. Вы просто, люди, это знайте, а как с ними потом общаться – это ваши проблемы.

– Кому именно вы хотите на это указать пальцем?

– В том числе и людям здесь, на Западе. А то приезжает человек с деньгами, и до последнего времени мало кого интересовало, сколько старушек было зарублено топором ради этого чемодана с деньгами. Так что хотелось бы указать на факты, а дальше люди будут сами решать, как к этому относиться. Можно пожимать руку, можно не пожимать.

А что касается самого Владимира Владимировича, то это человек, как бы это сказать... Когда нам приходилось встречаться с Владимиром Владимировичем, причем, понятно, что меня считали агентом ЦРУ, Моссада – израильтянин, занимается, оружием – "сомнений нет", то меня в нем удивило ощущение, которое трудно передать вербально. Он не человек в нашем понимании. Это не что-то inferнальное или в него бес вселился, но, видимо, там внутри что-то очень сильно когда-то сломалось, человеческих реакций там нет. Как это описать, даже не знаю. У меня были разные знакомые в тот период в Петербурге. Были люди, которые любили женщин, деньги, машины. Но они были при этом живые, у них были какие-то внутренние грани, себе поставленные: вот это я делать буду, а вот здесь я уже не буду, потому что себя не буду уважать. По Владимиру Владимировичу было видно, что он не отягощен абсолютно. То ли это школа КГБ его так научила, то ли что-то еще, но было понятно, что никакие обычные человеческие мерки – какой-то благодарности, какой-то грани нет. Я пытаюсь найти метафору... Ну, какой-нибудь самый страшный бандит не стал бы душить девочку ее же бантиком ради конфетки. Все-таки, как-то неудобно. А вот здесь было понятно, что есть только целесообразность, и больше ничего.

В этом ужас советского человека в целом, который утратил понятие о добре и зле в принципе, так вот у этого человека этих внутренних понятий нет вообще.

– Вы можете привести пример, когда вам это стало ясно по поводу Владимира Владимировича?

– Да нет, просто по общей стилистике, когда какие-то определенные фразы произносились.

– Просто есть и совершенно другие мнения. На многих он производил крайне положительное первое впечатление. В 90-е он говорил правильные слова о развитии малого бизнеса, свободной экономической зоны, банков и т.д. и т.п.

– Думаю, что на этом попались и Березовский, и Ходорковский. Потому что человек невольно моделирует своего визави сообразно себе. Есть какие-то, как говорят в преступном мире, "понятия", есть какие-то рамки, в которых человек будет себя держать. А здесь, как мне тогда показалось, этих рамок нет в принципе. И еще мне тогда показалось, что у человека какой-то фетиш денег, причем как какой-то абстрактной идеи. Может быть, как способа защиты от этого мира. Было понятно, что и в КГБ пошел, чтобы организацию за собой поставить. В общем, было видно, что он пытается защититься и что для него этот сакральный фетиш денег является одновременно защитой от всех возможных неприятностей. А если добавить сюда расхожую мысль, популярную в России, что "за деньги все можно"...

– Но тогда был общий климат такой в России и в частности в Петербурге...

– Даже люди, ушедшие в преступные дела, не родились преступниками. Это были советские юноши и девушки, кончавшие институты, получавшие высшее образование. Другое дело, что понятия о добре и зле как такового не существовало, если это не было заложено в семье или книжками. Как вы помните, советский человек мог все ради дела партии, правительства – все можно.

– Вы предполагали, что в какой-то момент он станет президентом?

– Было видно, что его продвигают. Как я помню по 90-м, 1994-95, он был одним из людей, который пользовался поддержкой Ленинградского Управления ФСБ.

– А кто еще?

– Было несколько фигур, но сейчас это уже не столь важно. Дима мне об этом говорил еще в 1998, когда Владимир Владимирович сначала ушел на недвижимость за рубежом, а потом уже на хозяйство и наконец, "сел" на ФСБ, вот с того момента, как он "сел" на ФСБ, было понятно, что план продвинуть его на ФСБ, который, как я понимаю, лелеяло Ленинградское Управление, состоялся, и тогда как раз сразу поднялись его бывшие коллеги, Черкесов и все прочие сослуживцы пошли наверх. И уже было понятно, что они постараются двигать его до конца.

Миллер тогда как раз обретался в порту у Саши Дюкова, а Владимир Владимирович ушел на хлебную должность.

Думаю, что финансово Путин опирался на описанную структуру и, конечно, на порт в большой степени. Продажа Петербургского порта в Москве – это как раз 1999 год (знаю об этом от Димы, который пришел с белыми глазами и сказал, что "такие большие люди в Москве вдруг заплатили мне денег за долю в порту"). Думаю, что для питерской команды Путин был представителем по продаже порта. Порт был устроен достаточно интересно. У организации "ОБИП" основным акционером была организация "Насдор", тоже лихтенштейнская – всюду те же и они же. Соответственно, ОБИП стал управляющей компанией порта (весь контроль над причалами, протокол), а потом компанию "Насдор" – основного акционера – продали Виталию Южилину и коммунистической братии. Владимир Владимирович, как мне кажется, принял в этом большое участие. Потому что у него, надо полагать, была там доля (естественно, во многом его стараниями порт был приватизирован), и, само собой, опора на нефтяную структуру давала ему некоторую свободу. Потому что, думаю, что все делились очень аккуратно.

– Какие у Путина были отношения с лидером "тамбовцев" вице-президентом ПТК Кумариным?

– Я при их встречах не присутствовал, но, насколько я понимаю, рабочие.

– По одной из версий, его посадили, чтобы он не рассказал того, что знает.

– Ну в начале таким образом посадили Мишу Мирилашвили (он же "Миша Кутаисский" – РС). По слухам, которые ходили после проигрыша Собчака на выборах в 1996 году, Владимир Владимирович (а называли его в его комитете – ВВ). Так вот, пользуясь сленгом внешнеэкономического отдела мэрии, ВВ прятался у Мирилашвили на даче. Ну, на "Русском видео", у Рождественского (Мирилашвили и Рождественский были совладельцами "Русского видео". – РС). Ну и насколько я понимаю, потом Михаил Михайлович стал неудобен, потому что много знал. Хотя я не знаю, как конкретно они сотрудничали по игорному бизнесу. Думаю, что Кумарин сел примерно по тем же основаниям.

Тут еще "Лукойл", конечно, подыграл, потому что "Лукойл" не пускали на питерский рынок вообще. А было много попыток зайти, особенно на рынок торговли бензином, потому что это живые деньги. А как раз когда Кумарина таким образом подвинули, то "Лукойл" зашел на этот рынок.

В общем, я не держал свечку, но насколько я понимаю, там были очень близкие рабочие отношения, равно как и с Васильевым. Известна голубая дача Васильева, где проводились деловые собрания. И на каком-то этапе, конечно, бандиты играли очень важную роль и зачастую решения принимали они, потому что у них в руках был очень важный механизм, как эти решения претворить в жизнь.

– Чем вы сейчас занимаетесь?

– Хайтеком. Компания в Калифорнии, есть компания в Израиле. Там есть люди, с которыми я работаю, хайтек компания в России – это было бы странно. Она должна быть в Силиконовой долине, как у нас и есть.

– Вы довольны президентством Путина?

– Нет, конечно. Мне кажется, что то, что делает "ВВ", как его называли в иностранном отделе мэрии, – направлено на уничтожение России и на окончательный развал того, что удалось так или иначе построить после окончания коммунистической власти в России.

Председатель Совета директоров Петербургского нефтяного терминала Михаил Скигин, сын Дмитрия Скигина, прокомментировал заявления Максима Фрейдзона в разговоре с корреспондентом РС:

– Я с Максимом Фрейдзоном знаком где-то с 2009 года, или даже раньше, в первый раз его увидел, когда мне было лет 16-17, то есть более 15 лет назад. Я помню, как он предлагал моему отцу какие-то различные идеи в основном из области интернет-бизнеса. Он и мне намекал, что я могу проинвестировать его проекты. А потом он очень резко сменил тон, перешел на "вы" и стал настойчиво очернять мою репутацию.

– Вы имеете в виду репутацию вашего отца?

– Моего отца, мою лично и даже людей, которые о нем только косвенно слышали он начал обвинять в каких-то невыдуманных делах, которые и в страшном сне не представить.

– **Ответчиками по иску, который пытается подать Фрейдзон, являются "Газпром", "Лукойл"...**

– Не важно, кто ответчик, там нет никакого основания, и ему никто не собирается ему отвечать. Он сам обращался ко мне за разъяснениями, какова была его доля в совместном бизнесе, и я ему четко ответил. У него с моим папой было одно дело, называется "Метро-Плюс". Это я помню, это происходило на моих глазах, и папа этим хвастался, что вот мол, сейчас будет новый проект, как это будет здорово, люди, покупая билет в метро, сразу смогут играть в лотерею. Инвестиции были около полумиллиона долларов или даже больше. Инвестиции были сделаны, но проект не то что не запустился, а его фактически даже не было.

– **Правда ли, что Максим Фрейдзон владел 29% акций компании "Сигма", а Сигме принадлежало 66% акций "Совэкса"?**

– Дело в том, что не знаю, сколько этих "Сигм" у моего папы было, три или пять. Компаний "Совэкс" тоже было несколько – как минимум, три. И каждая компания занималась совершенно разными вещами, потому что у него была такая политика: на каждый проект отдельная компания. Фрейдзон был совладельцем компании, которая занималась этой лотереей. Но он почему-то убежден в том, что эта компания была дольщиком во всех остальных бизнесах моего папы.

– **А с Грэхемом Смитом вы знакомы?**

– Конечно. Это номинальный директор... Жил в Лихтенштейне. Максима видел, может быть, один-два раза в своей жизни. Никакой деятельностью Фрейдзон особо не занимался – в основном, это лотерея. В конечном счете, это был абсолютно провальный проект, который потом оставил большую головную боль для тех, которые давали деньги. Вдруг Максим вспоминает, 12 лет спустя, что его обманули. Это очень странно, – сказал Михаил Скигин.

Несмотря на "обособленность разных бизнесов", беспроцентный кредит для запуска лотереи в метро "Метро-Плюс" выдала компания нефтетрейдерская компания ПНТ-ГСМ, давний партнер СП ЗАО "Петербургский Нефтяной Терминал". В итоге этот проект оказался убыточным, однако якобы были большие расходы на оборудование, и "Метро-Плюс" закрыли с долгами.

Михаил Скигин настаивает на сроках давности и на том, что речь идет о разных "Совэксах" и "Сигмах" и Максим Фрейдзон ошибается. В то же время Фрейдзон уверяет, что располагает документальными доказательствами, что речь идет о "правильной" компании "Совэкс" с совпадающими регистрационными данными.

Корреспондент Радио Свобода направил обращение пресс-секретарю Владимира Путина Дмитрию Пескову с просьбой прокомментировать слова Максима Фрейдзона по поводу работы Владимира Путина в органах власти Санкт-Петербурга. Ответа пока не поступило.

В 2011 году Дмитрий Песков заявил "Новой газете", что "Путин никогда не имел отношения ни к компании Sotrama, ни к созданию нефтетрейдерских компаний где бы то ни было". При этом на вопрос, был ли знаком Путин с Дмитрием Скигиным и Ильей Трабером, Песков ответил, что они "в свое время работали в Санкт-Петербурге над проектом по строительству нефтеналивного терминала, в связи с чем неоднократно официально обращались к руководству мэрии Санкт-Петербурга". Также, как сообщил "Новой газете" Дмитрий Песков, Виктор Корытов "примерно в одно время с Путиным работал в Ленинградском управлении КГБ СССР". Правда, при этом Песков подчеркнул, что они "с тех пор отношений не поддерживают".

Как заявил Дмитрий Песков журналистам 22 мая 2015 года, он получил три запроса – от британских и одного американского издания. Владимир Путин с удивлением отнесся к запросам о его прошлом: "Реакция достаточно удивленная, потому что такое изобилие, скажем так, клеветы, которую пытаются подогнать и состряпать, и тем более в таких уважаемых СМИ, оно чуть-чуть поражает", – цитирует его ТАСС. Песков ответил на вопрос журналистов, возможно ли судебное разбирательство в случае опубликования в изданиях собственных данных. "Это, скорее, больше ударит по престижу самого издания в случае публикации", – сказал Песков. Пресс-секретарь добавил, что ряд вопросов повторяют искивые обвинения петербургского бизнесмена Максима Фрейдзона.

Готовящиеся публикации прокомментировал в интервью RT и глава администрации президента Сергей Иванов. Он предположил, что "клеветническая кампания" связана с украинским кризисом. "В СМИ в целом начался процесс дискредитации и внесения оппонентов в "черные списки". В первую очередь, это касается американских и британских газет, к которым я долгое время относился с уважением", – сказал Иванов. "Все клеветнические заявления в наш адрес преследуют одну и ту же цель: внушить россиянам, что российские правящие круги неправы... В суды мы обращаться не будем, так как это бесполезно", – добавил Иванов.

Поскольку речь идет о 90-х годах, можно привести заявление самого Владимира Путина, сделанное им в фильме " Власть " (автор – Игорь Шадхан, показанного в Петербурге в 1992 году):

Игорь Шадхан: Я сейчас несколько внутренне содрогаюсь от следующего своего вопроса, но я все-таки хочу его вам задать. Потому что в ваш Комитет, в вашу деятельность входит все-таки немало такого, о чем бы мне хотелось спросить. Это валюта, лицензии, квоты, образование совместных предприятий и так далее. Вам не предлагают взятки?

Владимир Путин: Ну, видите ли, во-первых, я бы так сказал, что все-таки наш Комитет – это скорее экспертный комитет. Экспертный и организующий. От нас все-таки немного... Нечасто нам нужно обращаться за решением вопроса какого-то, который связан с материальными ценностями. Хотя и в процессе этой работы могут возникать ситуации, при которых та или иная коммерческая структура, частные лица ожидают от нас какого-то решения. И в этом случае, конечно, могут возникать... может возникнуть желание как-то пропихнуть этот вопрос побыстрее. Должен откровенно сказать, что такие предложения не впрямую, но следуют.

Игорь Шадхан: Ну, дальше я не спрашиваю.

Владимир Путин: Можете спросить.

Игорь Шадхан: Продолжение следует: но вы их не берете ?

Владимир Путин: А вы хотите, чтобы я ответил : я беру да ?...

По словам самого Игоря Шадхана, с которым корреспонденту Радио Свобода удалось пообщаться в сентябре 2014 года незадолго до смерти режиссера, в 1991 году он работал в "Русском видео" и инициатива снять этот фильм исходила от самого Владимира Путина и была передана Шадхану через одного из руководителей компании Дмитрия Рождественского.